

Н.Я. Марр

Избранные работы

Том 2. 1936

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Я. Марр**
Избранные работы: Том 2. 1936 / Н.Я. Марр – М.: Книга по Требованию, 2021. –
538 с.

ISBN 978-5-458-33594-2

ISBN 978-5-458-33594-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

теряет всякий смысл. К чему продолжать устанавливать таким путем общность множества отдельных фактов между яфетическими и индоевропейскими языками, если удалось уже установить, что индоевропейские языки в целом, как «система», «оказываются лишь трансформацией яфетических, новым типологическим состоянием тех же доисторических языков».¹

Работы Н. Я. Марра 1924 г. и нескольких последующих лет посвящены преимущественно установлению факта всеобщей распространенности одних и тех же семантических закономерностей в языках различных систем. Решительный перенос исследовательского внимания на семантику и почти исключительный интерес к лексике (со включением в нее способов словообразования) характеризуют весь этот период научной деятельности Н. Я. Марра.

Именно в этот период устанавливаются важнейшие «семантические ряды», «семантические пучки», «гнезда», «прагнезда»² и т. д. Впервые, еще только наощупь применяемый исследователем «палеонтологический анализ» расширяет семантический круг отдельного слова почти до бесконечности. Это влечет за собой возникновение представлений (а с ними вместе и соответствующих терминов) о «праслове», «празначении», «прагнезде» и т. п. В статье «Из семантических дериватов «неба»» (1923 г.) приводится, например, огромное число дериватов от «неба», этого «вместилища гнезд празначений», среди которых — «радуга», «гром», «туча», «облако», «мрачный», «печальный», «хоронить», «душло», «пустота», «глубокий», «яма», «стена», «кружок», «кольцо», «живот», «чрево», «поток», «потоп», «жалость» и мн. др. Однако, семантический анализ в работах 1923—24 гг. еще не так далеко ушел от обычных индоевропейских этимологий, отличаясь от них, главным образом, стремлением обнаружить между самыми разнообразными значениями отдельного слова закономерную генетическую связь. По словам самого Марра, он занимается в это время «сравнительной семантикой».³ Правда, почти во всех этих работах (так же, впрочем, как и в значительно более ранних) Н. Я. Марр подтверждает свои лингвистические выводы фактами из истории материальной культуры, не удовлетворяясь одним отвлеченно-лингвистическим анализом,⁴ но даже и эта «связка языка с материальной культурой» носит еще следы «индоевропейщины» и приближается до некоторой степени к шухардтовскому пониманию параллелизма между историей «слов» и «вещей» (Sachen und Wörter). Она лишена еще того глубокого смысла, который приобретает в позднейших работах Н. Я. Марра.

¹ «Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'» (1923).

² См., напр., «Из семантических дериватов 'неба'» (1923).

³ «О 'небе', как гнезде празначений».

⁴ См., напр., «Из семантических дериватов 'неба'» или «О 'небе', как гнезде празначений».

Сама классификация множества устанавливаемых дериватов по семантическим группам носит еще почти формальный характер. Так, например, в упоминавшейся уже работе «Из семантических дериватов 'неба'», Н. Я. Марр различает такие семантические группы: «долевые проявления 'неба'», «дериваты 'неба'», «космические двойники 'неба' и их дериваты», «'вода' с дериватами» и др.

Изменчивость значений слов, отсутствие стабильности в области семантики, только еще намечаются Марром в работах 1923—24 гг. и не связываются с двумя кардинальными вопросами, легшими в основу позднейших его исследований: когда и почему возникают те или другие значения слов?

Эти два вопроса связаны уже с учением Н. Я. Марра о «лингвистических стадиях» и стадийном развитии языка, которое оформляется лишь с 1926 г. С указанными особенностями наиболее ранних работ, из числа вошедших в состав настоящего тома, стоят в связи встречающиеся в них отдельные положения, свидетельствующие об опасностях, грозивших тогда исследователю на впервые прорубаемых им в чаще сложнейшего лингвистического материала путях, опасностях, которые удалось избежать, и препятствиях, которые удалось преодолеть благодаря четко осознанному применению в последующих работах метода диалектического материализма. Одним из примеров таких «опасностей» может служить следующее высказывание в статье «Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'»: «Раз индоевропейские языки оказываются лишь трансформацией яфетических, новым типологическим состоянием тех же доисторических языков, то яфетидологу нельзя ограничиваться вылавливанием лишь отдельных яфетических элементов в индоевропейской речи. *Все в них восходит к яфетическим архетипам, и то, что бесспорно индоевропейское и даже разъяснено в науке как таковое*» (курсив мой. Л. Б.). Позднейшее понимание стадийного развития глоттогонического процесса и стадийных взаимоотношений между отдельными языковыми системами, несомненно, противоречит приведенному нами высказыванию. Противоречит ему и разработанное позднее Н. Я. Марром учение о диалектическом единстве языка и мышления и зависимости их от условий общественного бытия. Для последователя нового учения о языке ясно в настоящее время, что если в индоевропейских языках все и восходит, в окончательном итоге, к «яфетическим архетипам», то вовсе не в том смысле, что может быть непосредственно из них выведено и разъяснено. То, что является «бесспорно индоевропейским», хотя и связано генетически с предшествовавшим ему «бесспорно яфетическим», не только, однако, не тождественно с ним, но, являясь свидетельством нового языкового состояния, может быть разъяснено лишь с учетом глубоко идущих революционных сдвигов, которые, как указывал сам Н. Я. Марр, «вытекали из

качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя».¹

Новое, революционное и монументальное в общем учении о языке Н. Я. Марра заключается именно в последовательно материалистическом понимании истории языка, ярко выразившемся в общеизвестных высказываниях его на страницах вошедшей в состав настоящего издания «Яфетической теории»: «Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздает его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению. . . Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему».

«Генеральная линия» в развитии творческих идей Н. Я. Марра в период 1923—1933 гг. заключается именно в движении к последовательно материалистическому пониманию языкотворческого процесса как в целом, так и в самых разнообразных отдельных его проявлениях. Если в первых работах этого периода центральное место занимают выявление и обоснование генетических связей между самыми разнообразными лингвистическими фактами, причем констатация этих связей еще далеко не свободна от отвлеченной трактовки самих сопоставляемых фактов, то в позднейших работах лингвистический анализ становится неизмеримо глубже, проникая через «технику выявления» в технику мышления и, через мышление, в самые истоки языка — социальную среду со свойственными ей особенностями материальной и духовной культуры. Так, в работах 1923—24 гг. устанавливаемые семантические связи объясняются нередко внешним, физическим сходством между самими предметами, названия которых исследуются. В работах же последующих лет, трактующих семантические законы, т. е. законы наименования объектов человеческой деятельности в зависимости от общественного осознания, Н. Я. Марр приведенное объяснение признает несостоятельным для ранних этих глоттогонии. Так, напр., достаточно прозрачная связь между 'небом', с одной стороны, и 'башней' или 'столбом' — с другой, объясняется первоначально как непосредственное отражение в языке физического сходства между всякими высокими, «вздымающимися» предметами. «... С 'небом', одновременно выражающим и 'гору', — пишет Марр в 1923 г.², — отождествляется по высоте всякий вздымающийся или торчащий предмет, так не только

¹ «Постановка» ученья об языке в мировом масштабе и абхазский язык».

² «О 'небе', как гнезде назначений».

‘башня’ или ‘столб’, но и ‘зуб’, не говоря о ‘клыке’ как долевым проявлении ‘неба — круга’. Однако, спустя всего лишь 2—3 года углубленной работы над выявлением семантических закономерностей, Н. Я. Марр приходит к выводу, что значения слов возникали первоначально «не по форме, не по материалу, не по технике, а по функции, определявшейся потребностью общественности и мировоззрением».¹ В работе же еще более поздней² Н. Я. Марр, касаясь анализа груз. *svet* (народн. *svet*) ‘столп’, устанавливает генетическую связь этого термина с ‘солнцем’ «по линии светозарности и животворчества», ни словом не упоминая о возможности увязки ‘столпа’ с ‘небом’ по форме или вообще каким-нибудь физическим признакам.

О том же проникновении всей лингвистической концепции Марра материалистическим мировоззрением свидетельствует сравнение между анализом терминов ‘время’ и ‘пространство’ в работах Н. Я. Марра 1923—24 гг. и анализом тех же терминов в последующих работах. В работах первого периода мы находим такие объяснения: «‘небо’ по форме протяжения или круга, круговращения: ‘время’»;³ «космические двойники ‘неба’ и их дериваты — ‘пространство + время’: баск. *hog-ġ* → *og-ġ* ‘поверхность’ (← ‘пространство’) → ‘лицо’, баск. *ogdu* ‘время’»;⁴ «учитывать приходится не мало еще других парных значений того же слова, как, напр., в порядке космических представлений с одной стороны ‘небо’, ‘развертывание’, ‘расстиланье’, ‘стол’, герс. ‘место’ или ‘пространство’, с другой — ‘небо’ ‘круговращение’, ‘год’, герс. ‘час’ или ‘время’ и т. п.»⁵ Не отказываясь вовсе от указанных, прочно установленных уже связей между названиями ‘времени’, ‘пространства’ и ‘неба’, Н. Я. Марр в позднейших работах (1930—1933 гг.) разъясняет их уже в совершенно другом плане, а именно — исходя из обусловленности семантических связей особенностями общественной практики. В работе «*Verba impersonalia, defectiva, substantiva et auxiliaria*» (1932)⁶ он выражает свое новое понимание в следующей формуле:

«Время, движение ↘ (производство + общественность) ↗ место, стоянка».

В другой работе того же года — «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» Н. Я. Марр, анализируя семантический пучок ‘небо + пространство’ («динамически ‘время’ — статически ‘место’») на материале языков яфетических и финских, привлекает для разъяснения его целый ряд географиче-

¹ «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры» (1926).

² «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» (1931).

³ «Шумерские слова с основой *em* в освещении одного из положений яфетической семантики».

⁴ «Из семантических дериватов ‘неба’».

⁵ «О ‘небе’, как гнезде празначений».

⁶ См. «Тезисы» к статье, § 9.

ческих и племенных названий, с целью конкретно увязать лингвистические факты с общественной, в которой они бытуют.

Из приведенных нами примеров (число которых может быть значительно умножено) видно, что несмотря на огромные сдвиги, происшедшие в лингвистической концепции Н. Я. Марра между 1923 и 1933 гг., в позднейших его работах не берутся под сомнение ни разрабатывавшийся ранее фактический материал, ни установленные ранее на основании этого материала конкретные положения. Они лишь получают новое освещение, выступают в новом плане и, если требуют иной раз пересмотра, то, главным образом, для более глубокого и четкого осмысления.

Последние годы своей жизни Н. Я. Марр посвящает разработке теоретических основ созданного им «нового учения о языке». В связи с этим, его занимают проблемы «философии языка», в числе которых и прежде всего проблема «языка и мышления». Если первая и большая часть рассматриваемого нами периода характеризуется сосредоточением теоретического интереса Марра на проблеме «увязки языка с историей материальной культуры», то во второй части центральное место занимает уже проблема «языка и мышления», правильной постановке и разрешению которой Н. Я. Марр придает исключительное значение. Именно в этот период «языка и мышления» материалистическое мировоззрение Н. Я. Марра проявляется с наибольшей глубиной и яркостью. Под воздействием четко осознанного и применяемого метода диалектического материализма лингвистические факты не только предстают теперь в его работах в новом облике, озаренные новым светом, но и служат отправной точкой для обоснования более глубоких и плодотворных идей, чем во всех предшествующих работах. Внимательному читателю стоит только обратиться к таким работам как «Язык и мышление» (1931), «Язык и современность» (1932) или «Сдвиги в технике языка и мышления» (1933), чтобы составить себе ясное представление о том, в какой мере марксистская методология стала для Н. Я. Марра методологией «общего учения о языке» и методологией конкретного лингвистического исследования. Об этом красноречиво свидетельствуют не только собственные слова Н. Я. Марра о значении метода в науке,¹ не только приводимые им многочисленные цитаты из работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина,² но — прежде всего — самая постановка рассматриваемых проблем, способ обращения с материалом и выводы, к которым приходит автор.

¹ См., напр., «К семантической палеонтологии...», «Языковая политика языческой теории...», «Язык и современность», «К 50-летию смерти Карла Маркса» и др.

² См. там же. В общем томе все цитаты из классиков марксизма приводятся по последним изданиям.

Из числа работ, вошедших в настоящий том, особенно богатый материал для уяснения того, в каком направлении шли усилия Марра к философскому обоснованию кардинальных положений нового учения о языке, читатель найдет в статье «К 50-летию смерти Карла Маркса».

Что касается практики лингвистического исследования, то здесь применение метода диалектического материализма легко обнаружить хотя бы на примере широкого использования основного закона диалектики — закона «единства противоположностей».

О его конкретном выявлении на изучаемом материале свидетельствует, например, утверждаемое Н. Я. Марром «диалектическое единство языка и мышления», он же лежит в основе идеи о «противоборствующих силах», которые обнаруживаются Н. Я. Марром в самых различных областях языка. Основные идеи работы «*Verba impersonalia...*» (1932) излагаются в свете того же закона единства противоположностей, и он же проступает в окончательном разрешении вопроса о том, что раньше — имя (состояние) или глагол (действие), в разъяснении причин общности и расхождения конструктивных элементов склонения и спряжения и мн. др. Было бы, однако, заблуждением думать, что приведенные примеры (как и многие другие) служат доказательством того, что Н. Я. Марр, теоретически вооруженный законом «единства противоположностей», впервые «открывал» с его помощью факты «расщепления понятия», «наименования по противоположности», общности структурных элементов в именных и глагольных формах и т. д.

Факты эти мы найдем и в значительно более ранних работах Н. Я. Марра, но тогда они или вовсе еще не разъяснялись, или разъяснялись неудовлетворительно.

Отметим здесь, для примера, что самый факт «раздвоения» некогда единого или общего слова на «двойников» прослеживается Н. Я. Марром еще в 1923 г. в работе «О 'небе', как гнезде празначений». «При полном перечне, — писал тогда Н. Я. Марр, — часть разнообразных дериватных слов позднейшей даты придется перераспределить по гнездам противоположных значений, возникавших в по-космические эпохи путем раздвоения одного общего некогда термина, вроде того, что 'добро' и 'зло', как двойники, тогда выражались одним словом». Достаточно простого сопоставления этого мимоходом, в плане констатации факта, сделанного замечания с постановкой вопроса о генезисе самого «расщепления» понятия и, с ним вместе, слова, в таких работах 1931 г., как «Язык и мышление» или «К семантической палеонтологии...», чтобы понять существо «генеральной линии» в развитии идей Н. Я. Марра. Факты, фигурирующие в работах как 1923, так и 1933 гг., относятся в данном случае к одной и той же принципиально категории, но трактуются они исследователем в совершенно

различных (опять таки принципиально) плоскостях. В работе 1923 г., еще не вовсе свободной от влияния идеалистического языкознания, анализ фактов «расщепления» слова не выходит за пределы «сравнительной семантики», своеобразного формально-семасиологического анализа противоположных по значению терминов, в работах же 1931 г., на основе аналогичных фактов раскрывается захватывающая по своему интересу картина взаимоотношения между процессами «расщепления» понятий-слов в «языке-мышлении»¹ и сдвигами, происходящими в самом базисе — производстве и по производству складывающихся производственных отношений. «Сдвиги настолько мощны, — говорит Н. Я. Марр, — настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениям, что новые поколения кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета и, казалось бы, противоположных понятия обозначаются одним словом. Одно и то же слово на одной стороне, *покинутой* стороне, значит 'голова' да 'начало', а на новой, завоеванной, разумеется борьбой в процессе развития производства и производственных отношений, значит 'хвост', 'конец'; на одной стороне слово 'огонь', на другой 'вода', на одной стороне 'день', 'белый', на другой — 'ночь', 'черный', на одной стороне 'верх', на другой — 'низ'.² Не менее интересно, хотя и в другом аспекте, с упором на существо семантических потребностей, реализовавшихся в процессе расщепления «матери-слова между двумя возникшими из него видами», разъясняется тот же вопрос в работе «К семантической палеонтологии в языках неафетических систем».

В связи с указанным значением «основного закона диалектики» в позднейших лингвистических построениях Н. Я. Марра, считаем нелишним обратить внимание читателя на одну подробность. Общеизвестно, какую большую роль играло, по Марру, в процессе слонотворчества ранних глоттогонических эпох, «понятие-образ» 'неба', с его делениями на 'небо¹' ('небо-солнце'), 'небо²' ('небо-земля') и 'небо³' ('небо-вода', 'небо-преисподняя'). Об этих трех небесах с их многочисленными дериватами Н. Я. Марр упоминает одинаково часто как в начальных, так и в последних работах рассматриваемого нами периода, посвящая им нередко целые страницы и даже отдельные мелкие статьи. В них он касается, между прочим, и самого восприятия некогда единого неба как трех небес. «Небо + вода», — говорит он в одной из работ 1923 г.,³ — воспринимаются в трех плоскостях — верхней, нижней и преисподней, что впослед-

¹ «Язык и современность».

² «Язык и мышление». ГИЗ, 1931, стр. 14.

³ «Шумерские слова — основой ея в освещении одного из положений афетической семантики».

ствии дало основание понять эти три мира, верхний как 'небо', нижний, как 'землю' и преисподний как 'воду' или 'море'. В работе же «К семантической палеонтологии...» факт различения трех небес разъясняется по-новому.¹ Из 'неба', воспринимавшегося первоначально как единое, нерасчлененное 'небо—мир' выделяются непосредственно не три, а всего два неба: 'небо¹' (верхнее) и 'небо²' (нижнее). В процессе дальнейшей дифференциации последнее, в свою очередь, расчленяется на два: 'небо²(¹)' ('земля') и 'небо²(²)' или 'небо³' ('вода—преисподняя'). Эта незначительная, на первый взгляд, подробность лишней раз свидетельствует о той тщательности, с которой Н. Я. Марр пересматривал в свете законов диалектики не только главные положения, но и второстепенные, и даже отдельные детали нового учения о языке.

Далее, считаем необходимым обратить внимание читателя на развитие, как раз в пределах охватываемых настоящим томом работ, учения Н. Я. Марра о «четырех элементах». Известно, что «теории четырех элементов» в развернутом виде Н. Я. Марр ни в одной своей работе не излагал, и что теория эта не разработана до сих пор ни одним из его учеников или последователей.² И мы, соответственно задачам настоящего предисловия, не касаемся теоретических основ учения о четырех элементах и не входим в рассмотрение причин равнодушного к ним отношения. В рамках своей задачи мы ограничиваемся лишь самой сжатой характеристикой той роли, которую сыграли «элементы» в развитии и утверждении взглядов Н. Я. Марра на «основные вопросы языкознания».

Можно, конечно, спорить о том, что представляют собой «элементы» в понимании Н. Я. Марра, сомневаться или не сомневаться в их существовании, использовать или не использовать в своих работах, но совершенно бесспорным надо признать то, что сам Н. Я. Марр в существовании «элементов» не выражал никогда ни малейшего сомнения и элементному анализу в лингвистическом исследовании придавал первостепенное значение. В этом легко убедиться даже при самом поверхностном просмотре написанных им за последние годы исследований. «Яфетическая теория, — писал Н. Я. Марр в 1931 г., — новое языковедное учение, пользуется безоговорочно двумя совершенно прочно установленными средствами в своих изысканиях: одно из них — особая исследовательская графика, аналитический алфавит, другое — анализ по четырем лингвистическим элементам».³ Этот анализ Н. Я. Марр последовательно и безоговорочно применял в исследовательской

¹ См. приложенную к работе табл. II.

² Работа акад. И. И. Мещанинова «Основные лингвистические элементы» (сб. Язык и Мышление, II) касается больше генезиса лингвистических элементов и характеристики каждого из них, нежели теоретических основ учения о четырех элементах.

³ «К семантической палеонтологии...»

работе над любым языком: грузинским и чувашским, русским и удмуртским, халдским и французским, шумерским и немецким и т. д. Благодаря именно элементному анализу были добыты Н. Я. Марром изумительные факты, оставшиеся до тех пор неизвестными и легшие затем в основу таких блестящих завоеваний новой языковедной теории, как, например, учение о единстве глоттогонического процесса. Излишним было бы перечислять в настоящем предисловии разнообразнейшие факты, доказывающие огромное значение элементного анализа и самой идеи «лингвистического элемента» в процессе становления нового учения о языке. В самое последнее время (1932—1933 гг.) элементный анализ, в качестве стержня «палеонтологии речи», подвергся тщательному пересмотру со стороны Н. Я. Марра, как то видно из его работ «*Verba impersonalia...*» и «Язык и современность», но принципиальные устои его остались неизблемыми. Оплодотворенный идеей «единства противоположностей», элементный анализ послужил, между прочим, основанием для новой постановки постоянно занимавшего Н. Я. Марра вопроса о взаимоотношении между «идеями» в языке и техникой ее звукового выявления. Так, в работе «*Verba impersonalia...*» мы читаем: «Единство противоположностей, звуковой материи и нематериальной идеи, выявляется в первичном призраке — образе → тотеме, поскольку оно в языке разрешается расщеплением каждого из четырех лингвистических элементов (А, В, С, D) с его двузначностью, первично тотема-образа ($\alpha \parallel \beta \parallel \gamma$) и неразрывно увязанного с ним звукового комплекса, одинаково продукции трудового процесса и производственных отношений».¹

Самый факт всеобщей распространенности сходных семантических закономерностей и сходных звуковых корреспонденций был установлен Н. Я. Марром в значительной мере благодаря элементному анализу. Об исключительной роли элементного анализа для «семантической палеонтологии» достаточно четко высказывается сам Н. Я. Марр в не раз уже цитировавшейся нами работе «К семантической палеонтологии в языках нефетических систем». Нам же, может быть, стоит остановить внимание читателя на тех сдвигах, которые повлек за собой элементный анализ и трактовке Н. Я. Марром морфологических и фонетических явлений.

Прежде всего, анализ по элементам вскрыл сложность или составность многих «простых основ» или так наз. «корней», считавшихся ранее нерасчленимыми, и, в этом смысле, первичными. В ранних работах (1923—1924 гг.), когда идея лингвистических элементов только еще зарождалась, мы встречаемся с большим количеством таких «простых основ», в числе которых находится,

¹ См. Тезисы к гл. е, § 4.

между прочим, и особенно часто используемая Н. Я. Марром основа $sa\dot{m} \leftrightarrow sa\dot{v} \nearrow \dot{t}am \leftrightarrow \dot{t}av$ с многочисленными ее разновидностями. О том, что она рассматривалась первоначально как простая, неразложимая основа, можно судить по следующим, приводимым мной для примера, цитатам: «Считаю лишним повторять здесь все соответствия этой основы $\dot{t}av \parallel \dot{t}am$ и т. д. $\searrow sa\dot{v} \parallel sa\dot{m} \nearrow sar$ и т. п. в значении 'неба' и его двойников или дериватов, но назову разновидность $\dot{z}am$ в форме мн. числа на $-uz$ — $\dot{z}am-uz$, resp. $\Theta am-uz$, известное божество, двойник Ишгари...»;¹ « $\dot{t}am$ ($\searrow sa\dot{m}$) — $ham \parallel hav$ 'вера', 'свидетельство' (← 'клятва'), груз. $m-\dot{t}am-s$ 'верю', $mo-\dot{t}am-e$ 'свидетель', $mo-\dot{t}m-ob-s$ 'свидетельствует', груз. $g-\dot{t}mena$ 'вера' и т. д., арм. $haw-at$ 'вера', $haw-an-el$ 'одобрять', $ham-oz-el$ 'убеждать' и т. д.»² Эта основа $sa\dot{m} \nearrow \dot{t}am \sim ham \nearrow kam$ разъяснялась в работах того же периода как «первослово», наименование «известной племенной разновидности».³ Однако, всего лишь через 3—4 года элементарный анализ обнаруживает мнимую простоту этой основы и расчленяет ее, как это явствует уже из работ 1927 г., на две составные части, два самостоятельных лингвистических элемента.⁴ Это обстоятельство оказалось чревато важнейшими последствиями, поскольку элементы воспринимались как «значимые единицы речи», (в позднейших формулировках — как «лингвистические протоплазмы», «единство идеологического и формального моментов») и, следовательно, разложение на элементы обозначало не только формальную, но и семантическую расчлененность «мнимых примитивов». Так, напр., в работе «Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений» (1930) Н. Я. Марр, анализируя приводившуюся нами выше основу $sa\dot{m} \leftrightarrow sa\dot{v}$ с ее различными разновидностями, разъясняет груз. $\dot{z}av$ 'голова' как «составной вид» слова ($\dot{z}a + v$) и устанавливает, в связи с семантическим пучком 'голова + гора + небо', для одного первого элемента $\dot{z}a$ (← $\dot{z}a$) архетипное значение 'неба'; в другой же работе («О числительных», 1927), разлагая груз. $sa\dot{m}$ 'три' на два элемента ($sa + m$), разъясняет его как составное слово с буквальным значением 'два + один'.

Конечно, составной характер многих терминов, привлекавшихся Н. Я. Марром к исследованию, был установлен и ранее, до четкого оформления элементарного анализа, да и, кроме того, самый факт расчлененности требовал, во всяком случае, своего объяснения, которое не всегда могло быть немедленно предложено. Ведь довольно долгое время вторые части составных слов объяснялись Н. Я. Мар-

¹ «Яфетические переживания в классических языках...» (1923).

² Там же.

³ «О 'небе', как гнезде назначений».

⁴ См. «Эзма' || 'смерть'...», «О числительных», «Право собственности по сигнализации языка...» и др.